

Ф. И. Успенский

**Богословское и философское
движение в Византии XI и
XII веков**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф. И. Успенский**
Богословское и философское движение в Византии XI и XII веков / Ф. И.
Успенский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 108 с.

ISBN 978-5-518-07173-5

ISBN 978-5-518-07173-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Соборъ 1166 года: разборъ актовъ. — Выводы къ сравнительной важности матеріаловъ, сообщаемыхъ Синодикомъ противъ изложеній соборныхъ дѣлій. — Епископъ Керкирскій и Іоаннъ Ирпникъ, изслѣдованіе архіепископа Вулгисмы. — Дмитрій изъ Ламии. — Отрывокъ неподанной части сочиненія Н. Акомината о богословскихъ спорахъ въ концѣ XII вѣка. — Михаилъ Сикидитъ и Спеъ Склиръ. — Замѣчаніе о статьяхъ политическаго характера въ Синодикѣ.

Патріархъ Фотій высказалъ однажды слѣдующій взглядъ на обычай отлученія отъ церкви (анаѡема) въ письмѣ къ Игнатію, митрополиту Клавдіопольскому ¹⁾. „Страхъ и ужасъ внушало когда-то слово анаѡема, когда имъ пользовались глашатаи благочестія противъ нечестивыхъ. Но съ тѣхъ поръ какъ дерзкое и безстыдное нахальство пораженныхъ проклятіемъ, вопреки всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ и въ противность всякихъ основаній съ еллинской и варварской точки зрѣнія, въ дикомъ изступленіи бросило собственное проклятіе въ защитниковъ православія и варварская непоздержность стала выше церковной дисциплины ²⁾, страшное это слово, за которымъ уже цѣль большаго наказанія, немедленно обращалось въ сказку и дѣтскую забаву, такъ что анаѡема стала желаннымъ отличіемъ благочестивыхъ“. Нельзя забывать того, что эти слова принадлежатъ лицу, которое пять разъ подвергалось анаѡемѣ ³⁾ и при которомъ церковь испытывала рядъ особенно сильныхъ потрясеній; но было бы также ошибочно думать, что отлученіе отъ церкви не терало постепенно своего авторитетнаго и устрашающаго характера, когда стало примѣняться часто и безъ особенной осторожности и когда анаѡема обратилась въ средство политической борьбы между различными партіями. Не будемъ утверждать, что слова Фотія вполне приложимы къ иконоборческому періоду, но что касается многочисленныхъ статей Синодика, относящихся по происхожденію своему къ позднѣйшему періоду, который обильнѣй матеріалами и потому болѣе изученъ, то многія изъ нихъ безъ ущерба для „благочестія“ могли бы быть изъяты изъ Синодика, если бы церковныя партіи не водились были человѣческими страстями и земными побужденіями.

Вслѣдъ за статьями противъ иконоборцевъ въ Синодикѣ идетъ

¹⁾ *Migne*, *Patrologia Graeca* t. 102, p. 833 (epistolarum lib. 11, ep. 17).

²⁾ Καὶ τὴν βαρβαρικὴν μανίαν ἐκκλησιαστικὴν παρανομίαν ἐφιλονέихσαν ἀπερ-
χάσασθαι. Слово παρανομία идѣсь совсѣмъ неумѣстно, что замѣчено было еще
Гергенрөтеромъ, 11, s. 194.

³⁾ *Hergenröther*, *Photius Patriarch*, 11, s. 185.

рядъ еретическихъ именъ и противоцерковныхъ ученій, предаваемыхъ анафемѣ въ недѣлю православія. Иногда названы по имени представители той или другой ереси, иногда приведены только еретическія ученія безъ обозначенія имени ересеначальника, въ нѣсколькихъ случаяхъ названы голыя имена безъ указанія обстоятельствъ и причинъ, побудившихъ церковь приложить по отношенію къ нимъ строгую кару. Значительная часть отреченныхъ именъ и ученій относится ко времени царя Алексѣя I Комнина, другая падаетъ на періодъ царствованія Мануила Комнина. Если разсматривать во взаимной связи и послѣдовательности всѣ наслоенія, привзошедшія въ Синодикъ отъ конца XI до конца XII вѣка, то получится возможность отыскать въ отрывочныхъ указаніяхъ и намекахъ, оставившихъ слѣды въ Синодикѣ, нѣкоторые твердые, положительные и постоянно способные волновать умы принципы, противъ которыхъ церковь должна была вести энергичную борьбу. Само собой разумѣется, наша ближайшая цѣль будетъ заключаться въ томъ, чтобы уловить единство идеи въ разнообразныхъ формахъ ея проявленія и показать, что при вѣдшихъ отличіяхъ еретическія мнѣнія въ существенномъ исходили изъ одного принципа. Для оправданія этого положенія было бы удобнѣе представить въ одной картинѣ религіозное и философское движеніе съ конца XI по конецъ XII вѣка; но такъ какъ намъ придется перѣдко входить въ детальныя изслѣдованія, то мы, по необходимости, должны раздробить изучаемый матеріалъ на части, отдѣливъ время Алексѣя I отъ Мануила.

Анна Комнина не находитъ достаточно выразительныхъ словъ, чтобы восхвалять „апостолическую“ дѣятельность своего отца ¹⁾. „Онъ одинъ умѣлъ попеременно употреблять оружіе и слово: оружіемъ побѣждалъ враговъ, словами обличалъ еретиковъ. Вооружившись на манихеевъ, онъ предпринялъ апостольскій подвигъ вмѣсто военной экспедиціи. Я бы назвала его тринадцатымъ апостоломъ: хотя нѣкоторые приписываютъ эту честь Константину Великому, но, по моему мнѣнію, его слѣдовало бы помѣстять вмѣстѣ съ Константиномъ, или уже по крайней мѣрѣ вслѣдъ за Константиномъ“. Конечно, Анна имѣла основаніе превозносить заслуги царя Алексѣя въ пользу православія. Дѣйствительно, перѣдко онъ и самъ вступалъ въ пренія о вѣрѣ и пользовался всѣми мѣрами къ очищенію церковнаго ученія. Не говоря уже о церковныхъ соборахъ противъ отдѣльныхъ лицъ,

¹⁾ *Alexias*, XIV, 8 (p. 300).

погрѣшившихъ противъ чистоты православія, мы видимъ въ его царствованіи обнаруженіе многихъ сектъ и ересей, на которыя обращено было серьезное вниманіе и свободному распространенію которыхъ поставлены были предѣлы. Царь Алексій не только преслѣдуетъ манихеевъ, армянъ, павликіанъ, богомиловъ, но и заботится о научномъ опроверженіи ересей и поощряетъ Евгенія Зигавина къ составленію исторіи ересей и опроверженію противныхъ православію ученій. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность Алексія Комнина въ этомъ направленіи должна была найти выраженіе въ томъ документѣ, который можетъ быть названъ по преимуществу памятникомъ торжествующаго православія, именно въ Синодикѣ. И дѣйствительно, вся часть его, слѣдующая за статьями противъ иконоборцевъ, въ числѣ по крайней мѣрѣ 20 статей, относится по своему происхожденію ко времени Алексія Комнина. Отличіемъ этой части служатъ тотъ признакъ, что въ Синодикѣ вошли ученія, а не имена, какъ будто замѣчаніе Анны Комнины объ Италѣ, что имя его приводится въ церковномъ отлученіи не совсѣмъ прямо и темно—касается и многихъ другихъ, осужденныхъ при Алексѣѣ лицъ.

Эта особенность частей Синодика, относящихся по происхожденію къ концу XI и началу XII вѣка, не можетъ не представлять особенныхъ затрудненій для изслѣдователя. Во всякомъ случаѣ, въ томъ кругѣ идей, которыми мы доселѣ занимались, нельзя искать объясненія для нѣкоторыхъ статей. Поэтому находимъ необходимымъ коснуться, хотя въ общихъ чертахъ, религіозныхъ лжеученій, обнаруживающихся въ занимающую насъ эпоху. Извѣстія Анны Комнины и исторіи еретическихъ ученій Зигавина въ общихъ чертахъ сообщаютъ о главныхъ теченіяхъ религіозной жизни за эту эпоху. Поэтому нельзя сказать, чтобы изслѣдователь лишень былъ возможности установить происхожденіе даже и тѣхъ частей Синодика, которыя, не обозначая по имени основателей и виновниковъ еретическаго мнѣнія, подвергаютъ отлученію абстрактно выраженную мысль. Иногда эта мысль высказана въ такой близкой формѣ къ выраженіемъ, находящимъ у Анны или у Зигавина, что не остается никакихъ сомнѣній относительно ея приуроченія. Труднѣе представляется дѣло тамъ, гдѣ буквальнаго сходства въ выраженіяхъ не находимъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе рядъ статей (11 главъ), отмѣченныхъ именемъ Іоанна Итала. Это одинъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ Синодика, потому что здѣсь названъ по имени еретикъ, и ученіе его изложено съ нѣкоторыми подробностями, какія рѣдко

встрѣчаются въ другихъ случаяхъ. Для точности слѣдуетъ однако замѣтить, что въ сохранившихся редакціяхъ всѣ 11 главъ или положеній изложены безлично и могутъ быть относимы къ цѣлой школѣ или еретическую партію, во всякомъ случаѣ не къ одному лицу. Въ Синодикѣ подвергаются отлученію неправославныя мнѣнія, которыя выражены въ слѣдующей формѣ: 1) пытающимся вновь обсуждать вопросъ о томъ, какимъ образомъ Богъ-Слово „человѣческому смѣшенію соединися“; 2) вводящимъ еллинскія мнѣнія о душахъ человѣческихъ, о небѣ и землѣ и о прочихъ твореніяхъ, то есть, принимающимъ переселеніе душъ и отрицающимъ воскресеніе, судъ и воздаяніе, допускающимъ существованіе идей и безначальнаго и вѣчнаго вещества (главы 2, 8 и 4); 3) утверждающимъ, что еллинскіе мудрецы и первые ересіархи, отлученные семью вселенскими соборами, во многомъ выше и на послѣднемъ судѣ окажутся лучше тѣхъ, хотя благочестивыхъ и православныхъ мужей, но погрѣшившихъ по страсти человѣческой или по невѣдѣнію; 4) не вѣрящимъ въ чудесныя дѣйствія Спаса нашего Бога и владычицы нашей Богородицы и прочихъ святыхъ, но отрицающимъ ихъ, какъ невозможныя, или толкующимъ по собственному разумѣнію; 5) проходящимъ еллинскія науки и усвоившимъ себѣ еллинскія теоріи, принимающимъ платоновскія идеи и отрицающимъ твореніе міра изъ ничего принимающимъ, что во всеобщее воскресеніе люди востанутъ не въ тѣхъ тѣлахъ, въ которыхъ жили, вѣрящимъ въ предсуществованіе душъ и въ вѣчность мученій (главы 7—10). Послѣдняя глава представляетъ собой общій выводъ, въ ней предаются отлученію противоправныя мнѣнія, введенныя Италомъ и усвоенныя его учениками,—въ такой формѣ это положеніе замѣняетъ всѣ предыдущія и само по себѣ можетъ быть достаточнымъ для такого памятника, какъ Синодикъ.

Итакъ, ученіе Итала и его учениковъ изложено собственно въ 10 положеніяхъ, но и это число могло быть сокращено, такъ какъ одна и та же матерія повторяется иногда въ нѣсколькихъ положеніяхъ. Но что всего любопытнѣе здѣсь, это, во первыхъ, присутствіе значительнаго философскаго элемента, въ которомъ почти теряется противоправный богословскій характеръ Итала, воторыхъ, особенно рельефно выдвигаемый источникъ неправыхъ мнѣній, происходящій изъ увлеченія еллинскою наукою и преклоненія предъ еллинскими мудрецами. Выдѣливъ существенное и останавливаясь только на главныхъ чертахъ, можно выразить отвергаемыя церковью мнѣ-

нія Итала и его учениковъ въ трехъ положеніяхъ: 1) переселеніе душъ, 2) платоновскія идеи, какъ реальныя бытія, 3) предсуществованіе душъ и твореніе міра изъ предвѣчной матеріи. Изъ этого можно видѣть, что Италъ не былъ собственно богословомъ и не можетъ быть разсматриваемъ какъ виновникъ какой-либо религіозной секты; онъ былъ мыслитель и подвергся церковному отлученію за то, что не согласовалъ свою философскую систему съ церковнымъ ученіемъ. Ближайшій выводъ отсюда тотъ, что на *Итала* нужно *смотреть какъ на выразителя философской мысли въ концѣ XI вѣка*: съ этой точки зрѣнія 11 главъ Синодика противъ Итала получаютъ большой историческій интересъ и нуждаются въ подробномъ разсмотрѣніи.

Жизнь и дѣятельность Іоанна Итала не осталась не отмѣченною въ Византійской лѣтописи. Цесаревна Анна Комнина посвящаетъ ему нѣсколько страницъ въ своей *Алексіадѣ* ¹⁾. Именно, въ разказъ о войнѣ Алексія Комнина съ Боемундомъ, она описываетъ положеніе столицы, волнуемой ученіемъ І. Итала. „Сей Италъ происходилъ изъ Италіи и прожилъ долго въ Сициліи. Сицилійцы, возставъ противъ ромейской власти, призвали на помощь италіанцевъ, между которыми былъ и отецъ Итала; онъ привелъ съ собой своего сына, хотя и не имѣющаго еще надлежащаго для военной службы возраста, но могущаго слѣдовать за нимъ и изучать военное италіанское дѣло. Когда же знаменитый Георгій Маніакъ во время царствованія Мономаха, вбунтовавшись, занялъ Сицилію, тогда съ трудомъ удалось оттуда спастись отцу Итала со своимъ сыномъ и найти убѣжище въ Ломбардіи, находившейся еще подъ ромейской властью. Изъ Ломбардіи названный Италъ, какимъ-то случаемъ попалъ въ Константинополь, процвѣтавшій всякою наукой и словеснымъ искусствомъ. Ибо со времени Василя Порфиророднаго и до Мономаха, хотя образованность и была въ пренебреженіи у большинства, но не совершенно еще заглохла; во время же царя Алексія она оживилась и поднялась и пользовалась вниманіемъ любителей просвѣщенія. Нашедши образованіе въ такомъ положеніи и бесѣдуя съ школьными преподавателями ²⁾, людьми неподатливыми и грубыми по нравамъ (были тогда въ столицѣ и такіе), онъ почерпнулъ отъ нихъ словесное образованіе. Впоследствии слушалъ извѣстнаго Михаила Пселла, который хотя и не особенно много посѣщалъ ученыхъ школы, но природными

¹⁾ *Annae Comnenae, Alexias V. 8* (Bonn. p. 256).

²⁾ *Alexias, 258 καὶ ἀνδράσιν ὀμιλήτας σχολαστικοῖς.*

способностями и остротою ума, а можетъ быть, и вслѣдствіе Божіей помощи, достигъ вершины всякой мудрости, изучилъ елливскую и халдейскую науку ¹⁾ и былъ въ то время знаменитымъ ученымъ. Но, занимаясь съ нимъ безъ правильной системы, Италъ не могъ проникнуть въ *сущность философіи*. Учителей онъ не выносилъ и не терпѣлъ ученья, полный же дерзости и варварскаго нахальства онъ считалъ себя выше всѣхъ и безъ науки и поспорилъ съ самимъ Пселломъ на первыхъ же урокахъ. Изучивъ же *діалектику* ²⁾, ежедневно производилъ смятеніе въ публичныхъ собраніяхъ, подбирая софистическія остроты и излагая весь предметъ въ той же формѣ. Его приблизилъ къ себѣ царствовавшій тогда Михаилъ Дука и его братья, которые хотя считали его ниже Пселла, но любили и пользовались имъ въ ученыхъ состязаніяхъ. Ибо Дуки были просвѣщеннѣйшіе люди, одинаково какъ братья царя, такъ и самъ Михаилъ.

Италъ же всегда пристрастно и злобно относился къ Пселлу, и хотя послѣдній, подобно орлу, поднимался выше его хитросплетеній, но онъ раздражался, волновался, злился или печалился. Случилось, что латиняне и италіянцы поднялись на ромеевъ и замыслили овладѣть всею Ломбардіей и Италіей. Царь поручилъ Италу, какъ человеку преданному и способному и знакомому съ италіанскими отношеніями, миссію въ Эпидамнъ. Но онъ уличенъ былъ въ предательствѣ и бѣжалъ въ Римъ, когда узналъ, что прибылъ нѣкто смѣнить его. Потомъ, рассказавшись, испросилъ у царя прощеніе и съ разрѣшенія его возвратился въ Константинополь, гдѣ ему указаво было жить въ монастырѣ Пиги при церкви Сорока мучениковъ. Когда же Пселлъ послѣ постриженія удалился изъ Константинополя, то, назначенный преподавателемъ всей философіи, онъ получилъ титулъ *ипата фи* ³⁾. софолъ и занимался объясненіемъ сочиненій Аристотеля и Платона. Пользуясь славой многоначитаннаго человека, въ сущности онъ былъ по преимуществу силенъ въ изученіи перипатетиковъ, а главное въ *діалектикѣ* ⁴⁾. Въ другихъ словесныхъ искусствахъ не имѣлъ особенныхъ свѣдѣній: въ грамматикѣ спотыкался и не вкусилъ нектара

¹⁾ Ibid. p. 258, καὶ τὰ τῶν Ἑλλήνων καὶ τὰ Χαλδαίων ἀκριβοῦσάμενος.

²⁾ Ibid. p. 258—259, οὐκ ᾔδυνάτο φιλοσοφίας εἰς βάθος εἰσελθεῖν... ἐμπαθεύοντας δὲ τῇ διαλεκτικῇ...

³⁾ *Alexiada*, 260, τὰς τε Ἀριστοτελικὰς βίβλους καὶ τὰς ἑλληνικὰς ἐξηγεῖσθαι ἐσπούδαζεν.

⁴⁾ θεινὸς δὲ μᾶλλον εἰπερ τις ἄλλος διευρητῆσθαι τῶν ἄλλων τὴν θειοτάτην πεripatητικήν, καὶ ταύτης πλεον τὴν διαλεκτικήν.

риторики ¹⁾. Вслѣдствіе того рѣчь его не была стройна и не имѣла изящества, отличіемъ ея были жесткость и напыщенность; слово его соотвѣтствовало нахмуреннымъ бровямъ и пропитано было суровостью. Въ сочиненіяхъ его множество діалектическихъ изворотовъ; онъ способенъ былъ поражать неожиданностью выводовъ больше въ устной бесѣдѣ, чѣмъ въ письменномъ изложеніи. Онъ былъ до такой степени силенъ и непобѣдимъ въ преніяхъ, что безъ всякаго труда приводилъ противника въ молчаніе и замѣшательство, ибо своими вопросами подкапывался подъ собесѣдника и повергалъ его въ бездну недоумѣній. Какъ особенно искусный въ діалектикѣ, онъ душилъ противника непрерывнымъ рядомъ вопросовъ, спутывая и смущая его умъ. Кто разъ попалъ въ его дебри, уже не выбирался изъ нихъ. Вообще онъ былъ весьма невоспитанъ и слишкомъ подчинялся порывамъ; вселяя въ себѣ нѣкоторое уваженіе рѣчью, портилъ его и уничтожалъ страстными порывами. Ибо разговоръ онъ велъ и языкомъ и руками, ему мало было привести собесѣдника въ недоумѣніе и заградить уста его молчаніемъ, рука его вдѣпалась еще въ бороду и въ волосы и оскорбленіе слѣдовало за оскорбленіемъ. Невоздерженъ былъ этотъ человѣкъ на руки и на языкъ. Одна только черта была у него не чуждая философа, что порывъ его проходилъ послѣ нанесенія оскорбленія и онъ начиналъ плакать и истинно раскаяваться. Вотъ его внѣшнія свойства: большая голова, выпуклый лобъ, открытое лице, носъ съ раздувающимися ноздрями, окладистая борода, широкая грудь, крѣпкое сложеніе, ростъ ниже средняго. Произношеніемъ своимъ онъ походилъ на иноземца, прибывшаго въ молодыхъ лѣтахъ изъ латинской страны, зналъ греческій языкъ, но не чисто произносилъ и коверкалъ нѣкоторые слоги. Нечистота и несовершенство рѣчи его замѣчались многими, настоящіе же ораторы смотрѣли на нее какъ на крестьянскую рѣчь. Вслѣдствіе чего письменныя его произведенія, построенныя вообще на діалектическихъ иѣстахъ, далеко не лишены недостатковъ обработки—и то тамъ, то вѣдѣсь попадающихся solecизмовъ.

Такой человѣкъ стоялъ во главѣ всей философіи и преподавалъ ее стекающемуся къ нему юношеству. Онъ раскрывалъ ученіе Прокла и Платона и философовъ Порфирія и Ямвлиха, въ особенности же сочиненія Аристотеля, и изъ нихъ то его произведеніе объяснялось

¹⁾ ἀλλὰ περί τε τῆν γραμματικὴν ἐχόμενα τέχνην, καὶ τοῦ ῥητορικοῦ χείταρον οὐκ ἐγείσσειτο.

для желающихъ, которое называется Органонъ и которымъ онъ преимущественно занимался ¹⁾). Не могъ онъ принести большой пользы учащимся, такъ какъ тому препятствовали его вспышки и нескладный характеръ. Вотъ его ученики: Соломонъ Іоаннъ, Іаситы и Сервлинъ и другіе прилежавшіе къ ученію. Многихъ изъ нихъ я потомъ часто видывала во дворцѣ; ни одной науки не знали они въ точности, выдавали же себя за діалектиковъ безпорядочными движеніями и странными кривляньями; не владѣя реальными знаніями, находили себѣ защиту въ идеяхъ да въ смутныхъ теоріяхъ о переселеніи души и въ другихъ подобныхъ странностяхъ ²⁾). Господствуя среди выше-названныхъ своихъ учениковъ, Италъ ко всему относился презрительно, многихъ неразумныхъ подстрекнулъ къ восстанію и не мало выставилъ тиранновъ изъ своихъ учениковъ. Я бы могла привести многія имена, если бы за временемъ не забыла ихъ. Но это было прежде вступленія моего отца на престолъ³⁾. Сказавъ далѣе, что царь Алексѣй старался раздуть искорки знанія, таившіяся подъ пенломъ ⁴⁾),—Анна продолжаетъ объ Италѣ: „Нашедъ же Итала производящимъ вездѣ сматеніе и вида, что онъ многихъ обманываетъ, поручилъ севастократору Исааку произвести дознаніе. Это же былъ просвѣщеннѣйшій и весьма рѣшительный челоѣкъ. Убѣдившись въ характерѣ дѣятельности Итала, онъ обличилъ его (на свѣтскомъ судѣ), а потомъ по приказанію брата и царя предалъ церковному суду. Не въ состояніи будучи скрывать свое невѣжество, и здѣсь онъ извергъ чуждыя церкви мнѣнія и въ глава избранныхъ церкви не переставалъ надѣваться и позволялъ себѣ другое, что свойственно невѣжественнымъ и варварскимъ обычаямъ. Патріархомъ былъ тогда Евстратій Гарида. Онъ заключилъ его въ одномъ зданіи Великой церкви, надѣясь на его раскаяніе. Но говорятъ, что не только не исправилъ его, но чуть самъ не сдѣлался участникомъ его злобы. Ибо Италъ вполне привлекъ на свою сторону Гариду. Что же вышло? Народъ собрался у церкви и искалъ Итала, и навѣрное сбросилъ бы

¹⁾ *Alexias*, 263, καὶ γὰρ τὰ τε Πρόκλου καὶ Πλάτωνος καὶ τὰ φιλοσόφων ἀμφοῖν Πορφυρίου τε καὶ Ἰαμβλίου ἀνεκάλυπτε τοῦτοις δόγματα, καὶ μάλιστα τὰς Ἀριστοτέλους τέχνας καὶ τὴν ὡς ὄργανον παρεχομένην χρῆσιν ὕφηγετο τοῖς ἐθέλουσι πραγματεῖαν. Объ Органонѣ см. Σαβα, Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη V, p. 499.

²⁾ *Alexias*, 263. προβαλλομένους τὰς ἰδέας, ἣδη δὲ καὶ τὰς μεταψυχώσεις συνηκισμένως πῶς.

³⁾ Сдѣлавъ однако ограниченіе: προηγεῖσθαι δὲ τὴν τῶν θεῶν βιβλίων μελέτην τῆς Ἑλληνικῆς παιδείας ἐπέτρεπε.

его сверху на полъ церковный, если бы ему не удалось пробраться на крышу храма и спрятаться въ укромномъ мѣстѣ.

А какъ изловредное его ученіе раздѣляемо было многими придворными и не мало бояръ заражено было его мнѣніями, и царя это очень обезпокоивало, то неправильное ученіе Итала, сведенное къ 11 положеніямъ, препровождено къ царю ¹⁾. Эти положенія по приказанію царя были преданы проклятію съ явона Великой церкви, при чемъ народъ съ непокрытою головою выслушивалъ каждое положеніе и сопровождалъ его пронанесеніемъ: анаеема. Но это не сдержало Итала, онъ продолжалъ живо высказывать тѣ же мнѣнія и, не смотря на уищанія царя, безчинно настаивалъ на своемъ. Вслѣдствіе чего и самъ онъ преданъ проклятію, хотя потомъ, когда онъ изъяснилъ раскаяніе, сдѣланы облегчающія измѣненія въ статьѣ объ его анаематствованіи. Такимъ образомъ, ученіе его съ тѣхъ поръ передается проклятію, что же касается имени его, то оно приводится въ церковномъ отлученіи не совсѣмъ прямо, темно и не для всѣхъ ощутительно. Ибо потомъ онъ перемѣнилъ свои мнѣнія и раскаялся въ заблужденіяхъ; отказался отъ ученія о переселеніи душъ и отъ порицанія святыхъ иконъ, ученіе же объ идеяхъ старался истолковать примирительно къ православному воззрѣнію ²⁾.

Другое извѣстіе объ Италѣ принадлежитъ также близкому къ его времени писателю, Никитѣ Акоминату, умершему въ началѣ XIII в. ³⁾. Его сообщенію объ Италѣ предшествуетъ интересное замѣчаніе, что со времени опубликованія Фотіемъ латинскихъ погрѣшностей затихла пустая болтовня и ни одной ереси не появлялось до времени царя Алексѣя Комнина ⁴⁾. Это замѣчаніе, не совсѣмъ точное въ историческомъ смыслѣ, вѣрно по отношенію къ Синодику, въ которомъ дѣйствительно нѣтъ слѣдовъ отлученія отъ церкви въ X и въ началѣ XI вѣковъ. Далѣе слѣдуетъ разказъ объ I. Италѣ, изложенный въ болѣе краткомъ видѣ, чѣмъ у Анны Комнины. „При царѣ Алексѣѣ жилъ въ царственномъ городѣ нѣкоторый мужъ, происходящій изъ

¹⁾ *Alexias*, 286, εἰς ἑνδεκά τινα κεφάλαια τὰ δογματισθέντα κακῶς παρὰ τοῦ Ἰταλοῦ συνεκεφαλαιώσαντο καὶ τῷ βασιλεῖ ἐπατέσταναν.

²⁾ *Alexias*, 287, ἤρπειτο δὲ καὶ τὰς μετεμψυχώσεις καὶ τὸ ὑβρίζειν τὰς εἰπάδας εἰκόνας τῶν ἁγίων, καὶ τὸν περὶ τῶν ἰδίων λόγον μεταρρηνεύειν πῶς πρὸς τὸ ὀρθόδοξον ἔσπευδε.

³⁾ Оно помѣщено у *Тарбелла*, *Supplementa historiae ecclesiasticae graecorum*.

⁴⁾ αἱ γλωσσαιγίαι τῶν κενολόγων ἡρέμησαν, καὶ οὐδέμια τις εἰς προὔπτον ἀνέριθμεν αἵρεσις μέχρι καὶ αὐτῶν τῶν χρόνων τοῦ ἐκ Κομνηνῶν βασιλεύσαντος Ἀλεξίου.

Италія, горячій любитель философіи. Послѣ знаменитаго Пселла, вождя всей мудрости и знатока всякой словесной науки, онъ думалъ создать себѣ величіе на аристотелевской риторикѣ ¹⁾, почему привлекъ къ себѣ всю жаждавшую образованія молодежь. Онъ надменно хвалился знаніемъ того, чего совѣтъ не смыслилъ и утверждалъ, что раскусилъ не только всю вѣшнюю науку, но и священное писаніе, такъ что ему нѣтъ ничего темнаго въ писаніяхъ отеческихъ о Богѣ. Почему, составивъ 11 главъ о вѣрѣ, совратилъ многихъ изъ своихъ слушателей и заразилъ ихъ ядомъ, одного же изъ нихъ, по прозванію Сервілія, прямо *совратилъ съ еллинства*, почему онъ, въ глухую ночь ставъ на скалу и провознесъ слова: прими меня, Посидонъ, бросилъ въ глубину ²⁾. Когда же о развратномъ ученіи Итала дошло до свѣдѣнія царя и патріарха Евстратія Гариды, они сильно вознегодовали. Приглашенный въ Великую церковь и допрошенный по поводу его положеній, онъ сначала пытался оправдываться со свойственной ему варварской необузданностью; когда же мнѣнія его подвергнуты были отлученію, то пришелъ въ сознаніе долга и раскаялся и сталъ просить прощенія. Его погрѣшности заключались въ слѣдующемъ: онъ училъ о переселеніи душъ, не воздавалъ должнаго почтенія святымъ иконамъ ³⁾, и принималъ платопольскіи идеи. Кромѣ того, умышленными и коварными вопросами наводилъ на сомнѣніе ⁴⁾, какъ обожествлена плоть Господни, по положенію или по природѣ, и ставя своихъ слушателей въ затрудненіе, приводилъ ихъ къ сознанію невозможности дать отвѣтъ, между тѣмъ какъ церковь установила и опредѣлила, что обожествленіе человѣческаго брвенія было не по положенію или природѣ, но сверхъестественно и чудесно. Свидѣтельство Н. Акомината, очевидно, находится въ зависимости отъ Анны Комнины. Нѣкоторыя прибавки, читаемыя у Никиты, едва ли не могутъ находить себѣ объясненіе въ его же собственномъ признаніи по поводу ученія Нила: „у меня нѣтъ теперь книгъ, и изъ

¹⁾ οὗτος ἐπὶ ταῖς ἀριστοτελικαῖς τεχνολογίαις μέγας ἔδοξεν εἶναι.

²⁾ ἀμέλει καὶ σταῖς ἐπὶ σκοπέλου νυκτὸς ἀωρὶ καὶ φηγεῖσθαι: εἰς ὅσον εἴχα· ἐξέει με Πόσειδον, αὐτὸν ἐπαφῆκα τῷ λαίματι.

³⁾ ἦν δὲ τὰς μεταψυχώσεις δοῦάζων καὶ τὰς ἀγίας εἰκόνας οὐχ' ὡς εἶδει τιμῶν, ἀλλὰ καὶ τας πλατωνικὰς ιδέας παρεδέχετο.

⁴⁾ ἡ τοῦ Κυρίου σὰρξ θέσει ἢ φύσει τεθεῖται, συνάγων δὲ ἀρσῶν τὸ ἀπορον καὶ παίδων τὸ ἀκροώμενον ἀμυγνάνως ἔχειν πρὸς τὴν ἀπόκρισιν... ἡ δ' ἐκκλήσις δεδογματικὴ τε καὶ ἀπαφάνητο μῆτε θέσει μῆτε λέξει θεωθῆναι τὸ πρόσημμα, ἀλλ' ὅπερ φύσιν καὶ λόγον ἀπαντα.